

Валентина САВКОВА

Новогодний бал

Белые метели,
Белые дома,
Белые постели
Стелет нам зима.

Среди белой песни
Пестрый карнавал.
В зимнем королевстве
Новогодний бал.

Лихо скажут бесы,
Сказка ожила.
Платьишко принцессы
Только до утра.

В полночь бьют, как прежде,
Главные часы.
Новые надежды,
Вьюга, принеси.

Ласковую фею
Ищет принц в ночи,
а она все сеет
Золу из печи.

Черная дорога,
Черная зола.
У ее порога
Черная зима.

В черно-белой песне
Пестрый карнавал.
В зимнем королевстве
Новогодний бал.

Бантик

Жил-был бантик на макушке
У девчонки у Танюшки.

Бантик яркий, аленький
На головке маленькой.
Прыгал с Таниной скакалкой
Возле дома на лужайке,
Словно бабочка, летал,
Лето красное встречал.
Вместе с Таней первый раз
Плыл, волнуясь, в первый класс.
У доски дрожал порой,
После школы шел домой.
Отдыхал веселый бантик
Возле Таниной кровати,
Видел радостные сны
Среди лета и зимы.
Вдруг беда пришла неожиданно:
Встала Таня утром рано,
бантик нервно повертела,
Приколоть не захотела.
Друга бросила в чуланчик:
«Надоел, противный бантик!»
И на чубчик впереди
Накрутила бигуди.
Вместе с барахлом в чулане
Запылился бантик Танин.
Позабыт и удручен,
Вспомнить некому о нем.

Ольга ХЛЕСТИКИНА

Смотрю на день, вчерашний день,
На золотые города.
На солнце — тень,
на сердце — тень,
А в небе — яркая звезда.
И молчаливый диалог:
Душа сжимается в душе.
Из часа в час, из срока в срок...
А год двухтысячный уже.

Дорога

Дорога, снова снег в ночи
Кружит, как ангел белый.
И в пустоту душа кричит
Тревогой оголтелой.
Вези меня в далекий край
За голубые весны.
Вези скорей, не отставай,
Пока еще не поздно.
Дорога — нашей жизни плен —
Идет из ниоткуда.
А мы свободу ей взамен
Отдали, как за чудо.
А чуда нет, есть только снег,
И только совесть глохнет...
Бежим, не замедляя бег,
А убежать не можем.

Нет больше слов, нет больше слов,
Одна протяжная тоска
И непомерная любовь
От ноготка до волоска.
Ты смотришь с грустью и молчишь,
В твоих глазах такая боль.
А я могу промолвить лишь,
Что я навек твоя Ассоль.

Я кружу в ночной прохладе,
Сердце лижет злая боль.
Я представлена к награде,
Получив чужую роль.
Мне такое и не снилось,
И постичь не в силах я.
Как так сильно пристрастилась
Лишь к тебе душа моя.
Я одна в смятенном полночи,
Не забыть (и жить без сна)
Твои взгляды, словно волны,
И глаза твои без дна.
Будь же рядом,
будь же прежним,
Не сломись перед судьбой!
Воздух снова чист и нежен,
Пахнет — чувствуешь? — весной!

Все мысли вскачь в дурную ночь...
Пытаюсь вспомнить: в чем тут дело?
Не лезьте больше! Руки прочь!
Я жить так больше не хотела.
И не хотела быть одна,
но все уходит. Это значит —
на мне еще одна вина
и жизнь бедна, и голос вкрадчив.
И стоит ли в водоворот
мне с головой своей соваться?
Но совесть мучает. И вот
приходится с тобой расстаться.
Мы расстаемся насовсем,
и ничего теперь неясно.
Но я пришла к тебе затем,
чтобы сказать, что все напрасно.
Что я не ангел и не свет,
я — тьма. И тьмой еще раз буду.
И все твои мечтанья — бред...
А ты надеялся на чудо.

Инна ВОСКОБОЙНИКОВА

По колючим листьям ежевики,
По цветам, что озорны и дики,
По камням, что солнечно нагреты,
По ручью, где утонуло лето,
Я бегу к тебе, о мой крылатый!

Ты сидишь на берегу закатном,
Дремлешь сладко, золотишь ресницы,
И тебе, тебе, конечно, снится,
Что с тобой мы виделись когда-то...

Снится, как светло и босоного,
В синем платье ласковом и строгом
Я к тебе бегу, о мой крылатый!
По цветам, что озорны и дики,
По камням, что солнечно нагреты,
По ручью, где утонуло лето,
По осенним листьям ежевики...

Бирюзовая мята

Я к тебе через озеро
все равно доплыву
и тебя отобью
у зимы и цветущих весен.
Я сажусь в золотую ладью
и касаюсь весел.
Только пахнет совсем не водой —
ежевикой.
Для тебя я хочу быть простой
и великой.
Пусть колдует над головой
птица-осень,
заманю я тебя за собой
в царство сосен.
Как же вышло случайно, вдруг,
что вода густая
мою лодку, как злой паук,
не пускает?
Я в воде, я плыву, мой друг,
не снимая платья.
Ты сидишь на другом берегу
в бирюзовой мяте.
Выхожу из озерных чертог,
как наяда.
Ты покинуть меня не мог!..
Только нет тебя. Берег. Песок.
Да примята
бирюзовая мята
у моих опечаленных ног.

БЫЛЬ ГОРЬКИЙ ВКУС ЛЮБВИ

Я встретил ее на автобусной остановке. Она стояла, обняв наклонившееся дерево. Одета была в штормовку, рядом — плетеная корзинка. На вид — лет за шестьдесят.
— Что это вы дерево-то обняли?
— шутливо спросил я.
— Да вот силу у дерева набираю.
— А что, совсем уже обессилела?
— Да избегалась! Сейчас сяду на автобус, а затем на электричку в Абаканово, грибов собираю.
На том и разъехались каждый своей дорогой...
В следующий раз мы встретились уже поздней осенью. Она была в той же штормовке, за плечами — большой рюкзак, в руках — небольшая лопатка.
— Куда это вы снова собрались?
— начал разговор я.
— Да вот еду на убранные поля, покопаюсь, может, наберу немного картошки.
— А что не купите?
— Деньжат маловато, да и дед парализованный лежит. Вот уже тридцать шесть лет за ним ухаживаю.
Меня это поразило: столько лет ухаживать за неподвижным человеком! Хоть фиксируй в книге рекордов Гиннеса. Попросил у нее адрес, а через неделю выкроил время и заехал.
На мой звонок открыла она. Тогда, на автобусной остановке она показалась мне старушкой, но при дневном свете выглядела моложе и подвижной...

— Расскажите все о себе, — обратился я к Марии Семеновне.
— Родилась я в семье зажиточного нагайбака. Отец имел несколько коров, пару лошадей, овец. Помню, у нас был большой дом, крепкие амбары. Словом, жили хорошо. Кроме меня, у родителей были еще два старших сына, братья мои Семен и Михаил, а младше меня — сестренка и годовалый братишка. В тридцатом году нас раскулачили, а семью отправили в Магнитку. Наступило тяжелое время: поселили в барак с такими же спецпереселенцами. Голодать приходилось по нескольку дней. Отец работал в трудовом отряде от зари до зари. Иногда приносил немного хлеба, выкроив от своего рабочего обеда. Мать тоже почти все отдавала нам. Вскоре младшая сестренка и брат умерли. В тридцать шестом от истощения умерла мать, а в тридцать седьмом арестовали отца и дали пять лет. С тех пор мы его не видели. Только спустя много лет мы узнали, что его расстреляли после окончания срока. Семен устроился в совхозе помощником механизатора, а Михаил — пастухом. Меня к себе взяла учительница, ухаживать за ее ребенком. Так и жила в людях домработницей, пока Семен не забрал меня к себе в деревню. Сразу привел в столовую, накормил. Жить стало легче.
— А тут — война, — продолжила Мария Семеновна. — Семен и Михаил ушли на фронт, а я уехала в город. Подносила кирпичи на строи-

тельстве и ремонте мартовских печей, там часто и ночевали. Девчата были выносливее ребят. Помню, поднялись на работу, а один паренек — мертвый... После войны стала работать дублером на электровозе, подвозила чугун от миксера к печам. Вскоре поставили машинистом, хотя иногда по необходимости переводили на разливочный кран...
— Кончилась война, — глаза Марии Семеновны посветлели. — С фронта пришел только Михаил. Мы с ним получили однокомнатную квартиру, тогда он и женился. А на его свадьбе познакомилась со своим будущим мужем. Это уже было в сорок шестом. Этот период жизни был самым счастливым. Паша в то время работал мастером и хорошо зарабатывал. А я старалась жить экономно. Вскоре родились сын и дочь, жизнь казалась безоблачной. Но все рухнуло в одночасье. В 1963 году у Павла обнаружили рак горла. Все сэкономленные деньги ушли на операцию в Москве, откуда он приехал инвалидом. Говорить он не мог, холода не переносил, дышал только через отверстие в горле. Я продолжала работать на мартене, ему назначили пенсию по инвалидности. Сын Валера учился хорошо, закончил МГУ, физико-математический факультет, и сейчас живет в Москве. Подросла дочка, вышла замуж и уехала в Челябинск. Все складывалось хорошо, но судьба ударила вновь. В 1990 году мужа парализовало. Два года лежал неподвижно, потом постепенно стали двигаться руки, но ноги отказали полно-

стью. К тому же нарушилось сознание. Ест он нормально, любит хорошую пищу. Если что-то не нравится — тут же отвернется. Взрослый ребенок! Умываю, купаю, заодно и брею. Вот так и живу...
— А не было ли у вас желания все бросить, сдать его в дом инвалидов и жить как-то по-другому?
— Что вы! Даже не думала. Ведь я только при нем почувствовала, что такое жизнь. Я его так любила! А потом: что скажут обо мне дети? У меня двухкомнатная квартира, его и моя пенсия. Концы с концами сжожу, грибков насолила, картошки подсобирала. Тоже подмога...
Все время нашего разговора на лице Павла Филипповича была та же невинная улыбка.
— Да, я вам еще не рассказывала, — заговорила она вновь, — в пятьдесят четвертом отца реабилитировали, а уже при нынешней власти выхлопотала компенсацию за имущество отца.
— А как брат Михаил?
— Он недавно умер.
— А что известно о Семене?
— Я узнавала о его судьбе в Агаповском военкомате, где он призывался на фронт. Но там его фамилии в списках не нашла. Очевидно, спецпереселенцев и за людей-то не считали, не вели их регистрацию. Но кое-что я узнала. В городе живет

инвалид войны, однополчанин Семена — Мустафин. Нашла его только по фамилии, и вот что он мне написал.
Она подала четвертинку из школьной тетради, на которой еле разборчивым почерком было написано: «На Северо-Западном направлении при окружении шестнадцатой немецкой армии Семен Степанович Стасов служил санитаром роты. Погиб в 1944 году при взятии села Зибих в районе озера Селигер и похоронен недалеко от этого села». И подпись: «Участник боев этой роты Мустафин».
— Съездить да посмотреть на его могилку, но средств на такую поездку нет. Да и с кем его оставить? — показала она на мужа. — Вот такая судьба.
В. НЕМОЛОЧНЫЙ,
бывший работник цеха
КИПИА.